

Курама лежит на кровати на спине и смотрит в потолок. В коридоре раздается глубокое и мягкое дыхание Наруто, успокаивающее и тревожащее одновременно. Он все еще колеблется, все еще задается вопросом, действительно ли это правильный путь, но потом вспоминает выражение лица Наруто у ларька с ramenом, а затем на кухне, как будто день только что начался в первый раз, растерянность сменилась ошеломленным пониманием, и он уставился на Кураму так, как будто джонин только что вручил ему шляпу Хокаге без всяких обязательств.

Курама с тихим вздохом прикрыл глаза рукой, пытаясь представить, к чему приведут эти перемены. Они с Сасукэ уже давно отказались от идеи максимально приблизить события к их временной шкале: в первый раз не получилось, и то небольшое преимущество, которое давало им знание того, как все обернется, не стоило того, чтобы снова потерпеть неудачу. Но это, это изменение столь же масштабно, как и стирание Акацуки с лица земли. Как изменится Наруто, имея наставника и близких родственников, которые будут направлять его и заботиться о нем?

Курама никогда не хотел, чтобы этот Наруто стал его - это одна из многих причин, по которым он вообще отправился в прошлое, - но мысль о том, что они могут быть даже не похожи, не дает покоя.

Что-то колыхнется под его кожей, смещается, всплывает, а затем снова исчезает, как только привлекает его внимание. Курама открывает глаза, садится и опускает руку. Одна из печатей на правой руке, прямо над точкой пульса, светится черным светом, каким-то образом умудряясь быть яркой даже в лунной темноте. Курама с опаской проводит по ней рукой, оценивая ощущение чакры, а затем фыркает от того, что обнаруживает.

"Наконец-то решил проснуться, ублюдок?" - спрашивает он. Несмотря на то, что вопрос риторический, сила в печати снова смещается, каким-то образом проецируя самодовольство/незнание/нежелание обращать внимание/неудачу/раздражение.

Закатив глаза, Курама усаживается на кровать, скрестив ноги, и опускает руки на колени. "Ладно, ладно, я услышал тебя с первого раза. Я иду". Выпустив длинный, медленный вдох, он закрывает глаза, концентрируясь на всем и ни на чем, пока за закрытыми веками не расцветает белый свет. В воздухе витает запах зелени, чего-то теплого и растущего, с нотками влажной земли и старых сухих листьев.

"Ты переделывал интерьер", - говорит Курама, снова открывая глаза и бросая взгляд на темноволосого мужчину, сидящего напротив него на поваленном дереве.

"Извини, что я тебя огорчаю, малыш, но твоя ментальная карта - не самое интересное место для томительного отдыха, даже если она не похожа на канализацию", - сардонически сообщает ему Учиха Обито.

Курама усмехнулся, оглядывая окружающий их пышный лес Страны Огня, бассейн с совершенно неподвижной прозрачной водой и полную луну, висящую над ними. "Нет, нет, мне нравится. Очень... мирно. Очень зелено".

Обито закатил свой единственный оставшийся глаз. "Заткнись. Если я собираюсь застрять в гребаной печати, то хотел бы, чтобы там были хотя бы красивые пейзажи".

"Ничего не изменится, если я тебя выпущу", - заметил Курама, с трудом подавляя смех. "Ты сейчас просто под впечатлением от чакры, идиот".

"О, как будто у тебя есть хоть половина права называть кого-то еще так, отродье. Как только я выберусь отсюда, я..."

"Надрать мне задницу, подвергнуть самым жестоким пыткам, какие только можно себе представить, сровнять деревню с землей, превратить мою жизнь в ад - я должен остановиться, или я что-то пропустил?"

Обито испустил долгий, тяжелый вздох и ущипнул себя за переносицу, как будто Курама - тот, с кем трудно иметь дело. "Заткнись. Просто я даже не знаю, что я сделал в своей жизни, чтобы заслужить это".

Курама фыркнул. "Почти полное уничтожение всего нашего мира - ничего не напоминает?"

"О, иди к черту. Даже этого недостаточно, чтобы быть вынужденным иметь с тобой дело". Но в темном взгляде Учихи есть юмор, пусть и неохотный, и Курама улыбается ему в ответ. Обито снова закатывает глаза, затем колеблется. После нескольких секунд молчания он говорит: "Знаешь, я никогда не смогу снова стать идиотом и болтливым сопляком из команды 7. Но как бы далеко я ни зашел, будь то взлет или падение, это отродье все равно остается мной".

Курама моргнул, глядя на собеседника. "Ты слышал мои мысли..."

"Я чувствовал твоё раздражение", - поправляет Обито, снова закатывая глаза. За четыре года, что Обито (добровольно) находится в ловушке печати, Курама получал от него это выражение больше раз, чем от Джирайи, Цунаде, Сакуры и Ируки. Вместе взятые. "Ее так много, малыш, это было несложно. И не так уж трудно догадаться, почему ты закручиваешься в узлы. Парень - это все еще ты. Он всегда будет тобой. Он просто... другая возможность".

Наступает еще один долгий момент молчания, а затем Курама неохотно смеется. "Знаешь, для человека с манией величия и массовыми убийствами ты удивительно хорошо умеешь читать людей".

"ДА. Был психопатом с манией величия и массовым убийством, спасибо. Я исправился".

"В последний раз, когда я приходил с визитом, вы угрожали повесить меня к потолку за мои собственные кишки".

"Это работа в процессе. Конечно, вы не ожидаете, что все будет получаться с первой попытки".

Несмотря на едкий тон, Обито снова улыбается, а глубокие шрамы на его правом боку придают ему выражение, опасно близкое к очарованию.

"Фу", - пробормотал Курама, закрывая глаза руками. "Ты можешь не делать этого, пожалуйста? У меня крапивница, когда я вижу, что бич народов стихий выглядит мило".

Единственный ответ - насмешливое фырканье, и снова наступает пауза. Оба наслаждаются легким ночным ветерком, доносящим до них аромат лилий. Наруто наслаждался покоем этого места, даже оценив иронию того, что Учиха Обито, один из наименее мирных людей, которых он когда-либо встречал - во всех возможных значениях фразы "наименее мирный" - был тем, кто создал это место.

"У меня к тебе запечатанный вопрос", - наконец говорит Обито, и юмор теперь полностью отсутствует в его голосе.

Курама приоткрывает глаз, чтобы изучить его, но Учиха слишком хорошо держит покер-фейс, чтобы что-то упустить. "Мой любимый вид", - весело отвечает рыжий. "Может быть, я даже отвечу, если ты будешь вежлив".

Обито без паузы говорит: "Минато-сенсей мог переносить печать Хирайшина на других людей или места прикосновением, а затем использовать ее так, как будто она была оригинальной. Сможешь ли ты так сделать? С любой печатью?"

"Хм..." Курама наклонил голову, с любопытством изучая собеседника. "Я... не совсем уверен. Теоретически, это просто, как тонкая настройка контроля чакры в отношении печати, которая присутствует на вашем теле, а затем визуализация ее повторения с достаточной ясностью и концентрацией, чтобы она воссоздала себя всего лишь одним прикосновением. Я никогда не пробовал, но вполне вероятно, что смогу это сделать, если достаточно потренируюсь".

"Тогда начинай практиковаться", - прямо сказал ему Обито. "Как только научишься, дай мне знать". Он опускается на свое место на бревне, переплетая пальцы рук на коленях, и взгляд его темнеет от отдаленности и озабоченности. Кураме знакомо это выражение, особенно после четырех лет наблюдений за ним вблизи. Обито строит интриги, в его голове крутятся заговоры, планы и возможные исходы, он рассматривает и отбрасывает варианты быстрее, чем это может сделать кто-либо, кроме Нара. Прерывать его в такой ситуации бесполезно, как давно понял Курама. Вместо того чтобы попытаться, он опускается на землю, вытягивается на спине и скручивается в длинную дугу.

Наступила тишина, и луна засияла на небе.

Наконец, спустя несколько часов, Обито вздыхает и поднимается на ноги. "Ты пускал слюни по тому катон-дзюцу, которое я показывал тебе на прошлой неделе", - говорит он. "Все еще хочешь ему научиться?"

Курама без раздумий вскакивает на ноги, забыв о вялости, и его улыбка граничит с оскалом. "Пуля пламени Огненного Дракона? Да, пожалуйста".

Обито снова закатывает глаза и недовольно вздыхает, словно ему предстоит пройти через ужасное испытание, но уголки его рта тоже тянутся к неохотной улыбке. Курама готов считать это победой.

<http://tl.rulate.ru/book/100817/3458426>